

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1917**

Выпуски 1-3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1917: Выпуски 1-3 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 308 с.

ISBN 978-5-458-48418-3

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1917. Выпуски 1-3 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-48418-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Записка» Н. М. Павлова.

I.

Всѣ реформы Императора Александра II-го—какъ бы ни сочувствовали ихъ благонамѣренной цѣли—страдаютъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что сочинялись по западнымъ образцамъ. Нынѣ дѣйствующія «Земскія Учрежденія» правильнѣе было бы назвать *муниципальными*: они не земскія въ русскомъ смыслѣ. Законы о *новомъ судопроизводствѣ*—прямо рабскія копіи, и притомъ не съ лучшихъ оригиналовъ, Уставъ объ «*воинской повинности*» списанъ съ иностранныхъ же образцовъ, а наше самородное явленіе «калачество»—эта живая изгородь русскихъ окраинъ—въ то реформенное время всячески принижалось.

Въ болѣе выгодномъ свѣтѣ противъ всѣхъ прочихъ выдается впередъ крестьянская реформа. Но только она одна и была тогда произведена силами и трудомъ образованнаго меньшинства, *лучшими людьми* изъ самого общества, а не департаментами министерствъ, не начальниками отдѣленій. Крестьянская реформа была изъята изъ вѣдомства бюрократическихъ сферъ. Благодаря призыву лучшихъ русскихъ людей къ дѣлу, указанному Царемъ, освобожденіе крестьянъ и совершилось у насъ *съ землею*—на диво и къ соблазну правительственныхъ и научныхъ людей Запада, видѣвшихъ въ томъ коммунизмъ и жакерию,—злорадно поджидавшихъ смуть въ

1) Печатаемая нами «Записка» Н. М. Павлова является, повидимому, развитіемъ тѣхъ взглядовъ и положеній, какіе высказалъ замѣчательный ученый этотъ въ рѣчи своей, произнесенной имъ на знаменитомъ «Петергофскомъ Совѣщаніи» въ 1905 г. Самая рѣчь, равно какъ и рѣчи другихъ государственныхъ людей, на «Совѣщаніе» призванныхъ, не можетъ быть обнародована до времени. На «Совѣщаніи» были затронуты вопросы важности чрезвычайной. Почившій Э. Д. Самаринъ, имя коего окружено такимъ единодушнымъ уваженіемъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, въ одномъ изъ писемъ говоритъ: «Очень бы хотѣлось мнѣ повидать Н. М. Павлова и разспросить его о томъ, что происходило въ Петергофѣ. Я бы пріѣхалъ (изъ деревни) нарочно съ нимъ побесѣдовать, если только его и другихъ участниковъ «Совѣщанія» не обязали хранить въ тайнѣ все, что они видѣли и слышали».

П. Б. (младшій).

нашемъ отечествѣ и потомъ притихшихъ въ ужасѣ за свой собственный внутренній бытъ при видѣ полнаго спокойствія нашихъ крестьянъ. Однакожъ и «эмансипація» не обошлась безъ помѣхи русскому дѣлу. Много погрѣшили тогда даже тѣ, которые въ мірянахъ сельской общины вовсе не видѣли ни жакеріи, ни коммунизма: ошибки, допущенныя ими въ «*крестьянскомъ дѣлѣ*», и сказываются въ наши дни роковыми послѣдствіями повсемѣстно.

Эпоха Императора Александра II-го такимъ образомъ, именно въ силу того, что всѣ до одной ея реформы не были управлены въ русскомъ духѣ, не принесла желательныхъ результатовъ. Справедливость требуетъ сказать даже, что она во многихъ отношеніяхъ распатала русскій бытъ и заключилась, въ довершеніе всего, неистовствомъ вражьей крамолы: внутренней и внѣшней. Страшной памяти времена!

Зачавшись въ такую ужасную годину и унаслѣдовавъ невыразимо-тяжкое бремя правленія, царствование Александра III-го составило по необходимости такой исторической моментъ, который неминуемо, долженъ былъ производить впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго *застоя*. То было совершенно особенное status quo, когда, спершись, какъ въ водоворотѣ, спшибаются съ разныхъ сторонъ противоположныя теченія и все кружится отъ противустремленій, какъ въ заколдованномъ кругу—ни впередъ, ни назадъ—на одномъ мѣстѣ. Мнимая русская «интеллигенція» въ томъ и видѣла *застой*: такъ именно и смотрѣла на эпоху Царя-Миротворца, этого замѣчательнаго Самодержца—перваго еще въ имперскій періодъ государя русской земли, дупшѣ котораго претилъ духъ имперіализма. Но истинно русскіе люди воздали и воздають честь почившему Государю, постигнутому внутреннимъ чувствомъ, угадывавшему болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ сущность русскихъ основъ. Эпоха его, имѣвшая видъ застоя, составила въ дѣйствительности тотъ поворотный пунктъ въ нашей исторіи, когда анти-русскія стремленія вызвали отпоръ въ пробудившемся сознаніи русскаго народа и убоялись встрѣтиться лицомъ къ лицу съ народнымъ стремленіемъ, воспротивившимся ихъ посягательствамъ. Задача, такимъ образомъ, выпавшая на долю «Царя-Миротворца» Александра III-го, была изъ самыхъ тяжелыхъ, столько же, по необычайной важности вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію въ его время, какъ и по необъятной трудности самихъ рѣшеній.

Можно же себѣ представить теперь всю тяжесть неудобноносимаго бремени, павшую на рамена Вѣнценосца, унаслѣдовавшаго заразъ накопившіяся затрудненія обоихъ царствованій: и своего родителя и своего дѣда. Трудность эта особенно велика именно теперь, по прошествіи почти полулѣтка со дня освобожденія крестьянъ, когда не по днямъ, а по часамъ увеличивается тѣснота между ними—въ наступившій XX-й вѣкъ, когда уже о своихъ неотложныхъ пуждахъ дѣйствительно вопіеть весь народъ русскій,—и зачѣмъ—должно досказать это—народные вопли заглушаются еще раздирающимъ крикомъ чуждыхъ русскому народу людей, samozванствующихъ именемъ въ качествѣ его «интеллигенціи» и мнящихъ себя «представителями» его.

Царскій манифестъ отъ 26-го февраля 1903-го года раздался, какъ благовѣсть, въ оживленіе народныхъ упованій. Встрепенулись сердца, надежды оживились. Всѣ думали: будетъ же, наконецъ, приступлено къ благотворному труду для исправленія неуправленнаго и упроченія нашего поколебленнаго быта. Но для этого нуженъ былъ миръ; а по грѣхамъ нашимъ, —увы, по великимъ нашимъ грѣхамъ,—наступила необычайная война. Довлѣеть злоба дневи. Единодушно Царь и народъ изготовились претерпѣть заслуженное насланіе гнѣва Божьяго. Все теперь приносится въ жертву, дабы съ достоинствомъ перемочь и пережить ужасы и горе войны. Но не перестала черезъ то и не умалется нужда народная; а только, въ виду врага, забота объ его отраженіи заставила отложить до времени все прочее. Не перестали же, не умалются замышленія и чуждыхъ русскому народу реформаторовъ нашихъ, сходящихся во взглядахъ на цивилизацію съ самими японцами, пожалуй, видящихъ даже нѣкоторымъ образомъ въ наступившей войнѣ какъ бы ободрительный поводъ къ собственному возбужденію въ духѣ своихъ собственныхъ упованій. Хотя, быть можетъ, они и раздѣляютъ мнѣніе о необходимости смыть дочи́ста нанесенное оскорбленіе дерзкимъ врагомъ, однако, не умолкаютъ съ ихъ стороны и злорадные клики. «A la guerre comme à la guerre»—говорятъ они—«но не вѣчно же война будетъ длиться—und was kommt nacher»? сбудется же или не сбудется по нашему «that is the question».

И должно сказать, что теперь,—именно при разгорѣвшейся брани и Богъ вѣсть долго ли или недолго имѣющей продолжаться войнѣ—если не время приступить къ самой работѣ, то истинно наступилъ часъ вдуматься въ размѣръ и значеніе необходимыхъ занятій по дѣлу нашего внутренняго устроенія, изыскать прямые и вѣрные пути для благонадежнаго приступа къ предстоящимъ занятіямъ, и заблаговременно изготовить способы къ наилучшему веденію и исполненію ихъ въ мирѣ.

II.

Какъ устроить сельско-уѣздное управленіе не въ духѣ петербургскаго канцеляризма и не въ увѣичаніе бюрократической системы, а въ пользу общую и сообразно съ русскимъ бытомъ; какъ, сообразно тому, преобразовать губернскія учрежденія; и какъ, наконецъ, согласовать съ тѣми и другими всѣ дальнѣйшія, сосредоточенныя въ Петербургѣ,—вотъ неотложный вопросъ, требующій себѣ разрѣшенія еще съ тѣхъ поръ, какъ въ 1861-мъ году было отмѣнено крѣпостное право, составлявшее у насъ своего рода цѣлую правительственную систему.

И мимоидущая на нашихъ глазахъ современность—(роковой результатъ ошибокъ и недоразумѣній, вкравшихся въ нашу исторію въ теченіе Имперскаго періода)—неодолимо препятствуетъ не только благоуспѣшному рѣшенію этого выдвинутаго самою жизнью вопіющаго вопроса, но даже правильной его постановкѣ.

Приходится считаться теперь, во 1-хъ, съ плотно-утвердившимся казеннымъ строемъ министерскихъ и земскихъ бюрократическихъ учреждений. Нагроможденные другъ на друга и воздвигнутыя одни около другихъ, всё они все болѣе и болѣе массой входящихъ и исходящихъ бумагъ упорно отстаиваютъ право на существованіе и не хотятъ его лишиться.

Приходится считаться; во 2-хъ, съ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ. Ему, собственно говоря, до сихъ поръ у насъ неоткуда было взяться, не было предоставлено возможности и образоваться, но тѣмъ хуже. Взамѣнъ дѣйствительнаго «общественнаго мнѣнія» ходитъ въ публикѣ вредная его фальсификація, такая, что сами органы этой публики, ежедневно и ежемѣсячно плодимаыя прессой, суть лишь органы *общественнаго* обмана. Наша публика, величающая себя интеллигенціей, въ дѣйствительности вовсе не выражаетъ разумѣнія... казалось-бы своего, а въ дѣйствительности чуждаго ей... русскаго народа. Публика и народъ у насъ двѣ вещи совершенно разныя. Съ народными желаньями и запросами всё вождемѣнія публики, высказываемыя прессой, не только не имѣютъ ничего общаго, а, прямо сказать, идутъ въ разрѣзъ.

Попробуйте сказать нашимъ «министрамъ и главноуправляющимъ частями», земля и государство представляются по русскому народному воззрѣнію въ такомъ неразрывномъ единствѣ, что на Руси и государево и земское дѣло—собственно говоря—одно, и противъ этого возопіетъ вся нынѣ дѣйствующая бюрократическая система. Почитая себя командующей распорядительницей страны, бюрократія смотритъ на всѣхъ, не принадлежащихъ къ ея штату, какъ на своихъ подчиненныхъ, обязанныхъ ея слушаться по субординаціи.

Вскорѣ послѣ Положенія 19-го февраля 1861-го года, когда всюду по мѣстамъ были поставлены «изъятыя изъ общаго устава о службѣ гражданской» мировые посредники, когда всюду же по мѣстамъ были заведены сельскіе мировые участки и они завѣдывались не «чиновниками», а этими мѣстными общественными дѣятелями, истинно земскими людьми не на подобіе нынѣшнихъ «земскихъ гласныхъ», и когда собиравшійся въ уѣздномъ городѣ «Мировой Съѣздъ» былъ вонистину мировымъ земскимъ съѣздомъ, а не карикатурой и пародіей на него, всё силы бюрократіи сверху донизу были направлены къ скорѣйшей отмѣнѣ подобныхъ мировыхъ дѣятелей и къ искорененію подобныхъ мировыхъ участковъ. Что мы говоримъ правду, въ доказательство тому должны привести точную справку: выписка изъ передовой статьи (М. Н. Каткова) «Московскихъ Вѣдомостей» того времени. Вотъ что имъ писалось въ 60-хъ годахъ: «Бюрократическій порядокъ господствуетъ у насъ издавна, господствуетъ исключительно: все у насъ дѣлается и движется путемъ бюрократической организаціи; всё обычаи и пріемы нашей администраціи—бюрократическаго свойства. Бюрократическая организація стремится вслѣдствіе втянуть въ свою сферу начатки другого рода организаціи. Мировыя учрежденія (мировые посредники и уѣздные Мировые Съѣзды) у насъ представляютъ собой почти единственное исклю-

ченіе изъ бюрократическихъ порядковъ, почти единственный примѣръ управленія не въ бюрократическомъ смыслѣ. Эти учрежденія чувствуются бюрократіей какою-то аномаліей, какимъ-то безпорядкомъ, нарушающимъ общій строй, и возникаютъ побужденія сгладить безпорядокъ и возстановить нарушенное единство общей системы. Вотъ какъ дѣйствовали во время оно «министры и главноуправляющіе частями», уничтожившіе учрежденіе, мировыхъ посредниковъ и существовавшихъ тогда сельскихъ мировыхъ участковъ. Полнымъ искорененіемъ этихъ воистину мировыхъ земскихъ учреждений отвѣчали они съ своей стороны въ опроверженіе русскаго народнаго воззрѣнія объ единствѣ государева земскаго дѣла.

Попробуйте повторить тоже самое нынѣ дѣйствующимъ, такъ называемымъ «Земскимъ Учрежденіямъ», въ словахъ еще болѣе простыхъ. Скажите именно такъ: «сельскій мировой участокъ, какъ онъ былъ узаконенъ Положеніемъ 19-го февраля 1861-го года, явилъ истинный образецъ той политической ячейки, изъ союза которыхъ долженъ былъ сложиться истинно русскій строй государева земскаго дѣла, какъ въ каждомъ уѣздѣ, такъ и далѣе въ губерніи, а затѣмъ далѣе и далѣе». И противъ такого рода *мелкой земской единицы* возопіють гласные и управы всѣхъ же нынѣ дѣйствующихъ «земскихъ учреждений».

Понятно, почему такъ. Ибо всѣ «гласные» земства и земскія уѣздныя и губернскія управы (тоже можно сказать о городскихъ думахъ, особенно столичныхъ и большихъ городовъ) всѣ вообще интеллигенты, представляющіе у насъ собой публику, а не народъ, хотя и почитаютъ себя въ рѣшительномъ антагонизмѣ съ «министрами и главноуправляющими частями» и хотя, повидимому, ратуютъ противъ «бюрократической системы», въ сущности однако—именно въ качествѣ публики—составляютъ съ этимъ продуктомъ имперскаго періода одно и тоже. Они желаютъ въ качествѣ «интеллигентовъ» властвовать и командовать народонаселеніемъ, почитая народъ лишь грубою массой, обязанной ихъ слушаться по субординаціи.

Современная русская публика, разумѣется, поставяетъ изъ своей среды и правителей не лучше себя: одно съ другимъ, разумѣется, въ круговой поруцѣ между собой. По вопросамъ ли поднятія уровня образованія въ народѣ путемъ принудительной грамотности и постройки увеселительныхъ заведеній, увеличенія ли благочестія въ народѣ сокращеніемъ праздничныхъ дней въ году и прочее и проч., трудно даже и разобрать: кто у кого въ наши дни превосхищаетъ мѣропріятія и умоначертанья: «земскія ли учрежденія» у министерствъ, или обратно?

III.

Въ доказательство нынѣшняго хаотическаго состоянія умовъ можно привести примѣръ и еще болѣе разительный. Скажите господамъ «министрамъ и главноуправляющимъ частями»: необходимъ Земскій Соборъ, его созваніе и выручить насъ изъ затрудненія. Правящія сферы, пожалуй,

не будутъ противъ такого рѣшенія, но почему? Потому что они поймутъ его въ конституціонномъ смыслѣ. А бюрократія готова правительствовать при всякомъ строѣ: конституціонный ей ничуть не помѣха. Бюрократія охотно служить всякому правительству лишь бы и на свою долю не утратить власти въ немъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ были у насъ заведены «министерства» и чѣмъ далѣе, тѣмъ по закону бюрократическаго нарастанія это шло въ гору—они и самовластвуютъ у насъ въ полной силѣ: сколько отдѣльныхъ министерствъ—столько у насъ и отдѣльныхъ самодержавій. Съ тѣмъ вмѣстѣ однако подобные самовластцы прикидываются непремѣнно лишь исполнителями абсолютныхъ предначертаній. Всѣ благія мѣры, когда та или другая радостно привѣтствуется цѣлою страной, они охотно приписываютъ собственному почину; а—чуть что—говорятъ о себѣ: «мы только исполнители, мы бы и рады были принять на себя отвѣтственность передъ судомъ общественнаго мнѣнія, но пусть же будемъ правителями взаправду, а не исполнителями абсолютныхъ предначертаній». Насколько всякая писаная, а не обычно-своеземная конституція составляетъ на дѣлѣ лишь фальшивый инструментъ фальшиваго общественнаго мнѣнія—настолько и вся наша «бюрократическая система» готова будетъ, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, склониться къ *Земскому Собору*, какъ къ подобному же учрежденію, въ которомъ и прозираетъ уже нѣкоторымъ образомъ ковчегъ собственнаго спасенія.

Повторите тоже самое и нынѣ дѣйствующимъ «Земскимъ Учрежденіямъ», повторите и имъ: «необходимо созвать Земскій Соборъ». И господа гласные съ своими губернскими и уѣздными управами возликуютъ. Почему? Потому что и въ свою очередь вообразить себя парламентомъ: они сразу увидятъ въ себѣ законодателей страны.

А что «*Земскій Соборъ*» какимъ онъ представляется по русскому народному возрѣнію, фактически невозможенъ и даже немислимъ въ наши дни—о томъ никому изъ тѣхъ и другихъ не придетъ въ голову.

Земскій Соборъ, какъ его понимали встарину, вовсе не панацея для выхода изъ затрудненій, надѣланныхъ имперскимъ періодомъ. То былъ симптомъ полной гармоніи между правящими и управляемыми, существовавшей на Руси ранѣ имперскаго періода,—симптомъ полнаго союза между землей и государствомъ, чѣмъ и отличалась древняя Русь во весь царскій періодъ,—симптомъ единенія, который и выражался формулой: «государево-земское дѣло». При такомъ строѣ естественно было въ случаѣ затруднительныхъ обстоятельствъ—на каждый отдѣльный случай для рѣшенія того или другого частнаго вопроса, ad hoc—сзывать и Земскій Соборъ. Царь и соборяне въ томъ не видѣли: первый—ограниченія власти, второе—прерогативы или надбавки политическихъ правъ. Могло быть въ древней Руси много разной неправды и всякихъ не порядковъ; но сверху донизу—единство между государевымъ дѣломъ и земскимъ—было полное. По этой части все находилось въ цѣлости и ничто не раскололось. Самъ ли

Иванъ Васильевичъ Грозный созывалъ Земскій Соборъ или *тишайшій* царь Алексѣй Михайловичъ—тогда никому изъ созданныхъ въ голову не приходило мнить себя законодателями страны, ни даже «представителями народа»: лживый и несвойственный русскому человѣку терминъ вовсе намъ не пригодный.

А во что обратился бы Земскій Соборъ въ наши дни при чуждой русскому народу современной «интеллигенціи»? Въ учредительное собраніе, въ *chambre constituante*. Пусть бы заданъ былъ ему самый простой чисто-хозяйственный вопросъ: какъ усилить урожай пшеницы наиболѣе сообразнымъ способомъ? И непремѣнно нынѣшніе соборяне понесли бы на разные лады толки и перетолки, суды и пересуды на одну и ту же тему: какъ ограничить неограниченную власть такимъ образомъ, чтобы она болѣе или менѣе очутилась въ ихъ собственныхъ рукахъ. Это несомнѣнно.

Послѣ того, какъ имперскій періодъ приучилъ всѣхъ къ особенному въ теченіе его сложившемуся строю, по необходимости и Соборъ—хотя бы именовался «земскимъ»—получилъ бы конституціонный характеръ. И современныхъ соборянъ, собственно говоря, нельзя было бы даже винить въ томъ: въ теченіе имперскаго періода къ тому шло. При имперскомъ строѣ или, что тоже самое, при «абсолютизмѣ», какъ только «абсолютный монархъ» не затрудняется болѣе открыто молвить о себѣ «l'état—c'est moi», по необходимости услышитъ отъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ штату его чиновниковъ, однакожь кому не чуждо такъ или иначе завѣдываніе дѣлами: «le peuple c'est nous» и компромиссъ между «l'etat c'est moi» и «le peuple c'est nous» становится неизбеженъ.

IV.

Итакъ, всѣ нынѣ дѣйствующія учреженія—будемъ-ли разумѣть подъ ними департаменты и отдѣленія, или земскія губернскія и уѣздныя управы, и столичныя думы—всѣ наши штатные дѣятели «властные» и «гласные» — не только не въ состояніи представить дѣльныхъ соображеній по устроению въ наше время «государева-земскаго дѣла» въ желательномъ смыслѣ, а сами еще—напротивъ того—служатъ тому существенною помѣхой и главнымъ препятствіемъ къ тому.

Также точно,—при существующемъ у насъ разладѣ публики съ народомъ, при разладѣ нашей мнимой «интеллигенціи» съ дѣйствительнымъ разумѣніемъ многомилліоннаго русскаго народа,—и вся нынѣ сложившаяся пресса съ ея не только не охраняющею, а *растлывающею* цензурой—не можетъ способствовать отрезвленію умовъ, дабы могло выработаться правильное общественное мнѣніе по современнымъ вопросамъ, а напротивъ того производить обратное дѣйствіе. За немногими исключеніями редакцій, считающихъ себя «консервативными», (по несчастію, не отличающихся даровитостью и переполненныхъ тою казенной благонамѣренностью, которую никто не считаетъ дѣйствительнымъ патриотизмомъ,—а сверхъ

того, отличающихся нравѣ съ прочими малымъ знаціемъ русскаго народа) — сплошь все газеты и журналы и вся наша уличная литература — содѣйствуютъ лишь усиленію въ публикѣ «общественнаго обмана». И современная пресса, такимъ образомъ, не только не въ состояніи представить правильныхъ соображеній по «государеву-земскому дѣлу» въ духѣ русскаго народа, — а будетъ еще служить, да и служить, въ свою очередь помѣхой и препятствіемъ къ тому.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи, поневолѣ приходится спросить: какимъ же образомъ приступить къ дѣлу? Не говоримъ уже: къ немедленному водворенію по всемъ мѣстамъ желаемого всемъ народомъ порядка — народомъ изнуреннымъ многолѣтнею повсемѣстной неурядицей, а какъ — говоримъ — приступить къ правильной постановкѣ самаго вопроса о томъ? Чтобы дать отвѣтъ на это, требуется прежде всего рѣшить: по какому же изъ вѣдомствъ всего болѣе накопилось зла, коего пресѣченіе нельзя долѣе откладывать ни на минуту? Въ чемъ же заключается главная коренная причина нынѣшняго безпримѣрно-хаотическаго состоянія, которое на всемъ протяженіи имперіи сказывается въ наши дни повсемѣстно на всѣхъ путяхъ жизни?

V.

Многоразличны неисправности и неурядки въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Было бы слишкомъ долго перечислять даже крупнѣйшія изъ нихъ по всемъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ имперскій періодъ, пока въ теченіе его длилось *крѣпостное право*, и болѣе непригоднымъ, развѣ оно миновало навсегда.

Все вѣдомства, воплощенные у насъ министерствами, оказываются болѣе или менѣе требующими коренныхъ преобразованій въ наши дни, начиная хотя бы даже съ военнаго. Но минуя общій ихъ пересмотръ, довольно для примѣра упомянуть лишь кратко хотя о министерствѣ «Юстиціи» и «Народнаго Просвѣщенія», такъ какъ ихъ дѣятельность наиболѣе сопрягается съ народной жизнью.

Повѣрить ли кто, что по вѣдомству юстиціи у насъ представляетъ совершенный пробѣлъ и рѣшительную пустоту одно изъ главныхъ и существеннѣйшихъ отправленій юстиціи? Мало сказать: упущена изъ виду: а принципиально не допускается, совершенно отсутствуетъ функція, ей же имя на юридическомъ языкѣ *«меры предупрежденія и пресѣченія преступлений»*, — съ чѣмъ въ связи и другой рѣшительный пробѣлъ правосудія «храненіе общей тишины и спокойствія». Банально отвѣчаютъ на это банальныя же юрсты: «правда, полиція у насъ слаба, требуется усилить полицію». Но тутъ дѣло не въ этомъ ¹⁾.

¹⁾ Допустимъ, что полиція у насъ не только слаба, а — собственно говоря — еще и въ заведѣніи, каковою она должна быть.

Особливо это должно сказать по примѣненію къ нашей сельско-уѣздной жизни. Но тутъ вопросъ не въ этомъ; а существенная ошибка опять таки состоитъ въ томъ, что пока существовало *крѣпостное право*—ужь оно и составляло само по себѣ цѣлую правительственную систему,—а разь оно было отмѣнено—нельзя болѣе «по охраненію тишины и спокойствія» обходиться бюрократическими учрежденіями въ родѣ *Губернскихъ Правленій* и тому подобными.

Ошибка тутъ заключается въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ, надлежащей администраціи. Мнимое подобіе оной (въ лицѣ губернаторовъ) находится никакъ не въ связи съ немолкающими потребностями мѣстной народной жизни и нисколько не отвѣчаетъ административной системѣ каково она должна была бы быть для блага мѣстныхъ народонаселеній—а связуется лишь съ общою же бюрократической системой, которая всюду господствуетъ надъ народомъ въ собственныхъ своихъ видахъ и довлѣетъ лишь самой себѣ. При такомъ строѣ, наша юстиція является даже не только не въ союзѣ, а еще какъ бы въ антагонизмѣ съ чиновной администраціей и находится съ пей въ оппозиціонной борьбѣ.

Какъ сама губернаторская власть ничуть не защищаетъ мѣстнаго населенія, вовсе не охраняетъ безопасности лицъ и общаго спокойствія,—а служитъ лишь бюрократическимъ аппаратомъ для поддержки соперничающаго съ «Юстиціей» Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—также и «Юстиція» по вопіющимъ потребностямъ объ охраненіи мѣстныхъ населеній отказывается въ правосудіи народу.

Судь, завѣдываемый Министерствомъ Юстиціи, не входитъ въ заботы охранять тишину и спокойствіе мирныхъ гражданъ; общее благо населеній или общій среди нихъ безпорядокъ, хотя бы вопіющій, вовсе не касается чиновниковъ юстиціи. Судь, по самому существу дѣла, караетъ лишь совершившіяся преступленія и уже учиненное нарушеніе правъ. А то, что составляетъ связь между администраціей и судомъ—именно «охраненіе тишины и спокойствія мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленій»,—вовсе не существуетъ у насъ. Похвальба злодѣя съечь имущество или даже уничтожить своего противника, всяческія угрозы и насилія весьма обиходныя и существенно-внушительныя въ житейскомъ быту,—вообще терроризмъ всякаго рода всѣхъ неблагомѣренныхъ членовъ или даже отщепенцевъ общества—одинаково не касаются у насъ ни чиновъ юстиціи, ни чиновъ администраціи. И Министерство Юстиціи и Министерство Вн. Дѣлъ, объ эти стороны отказываютъ у насъ въ правосудіи терпящимъ зло по этой части. На все подобное правосудія у насъ нѣтъ и, собственно говоря, при современномъ бюрократическомъ строѣ быть не можетъ.

Что судъ составляетъ лишь часть охраны земскаго міра,—и даже не всегда главную часть той охраны міра, собственности и личности въ мѣстномъ мірскомъ околоткѣ, въ силу чего подобному суду дается названіе *мирового*, въ немъ же именно и нуждается, главнымъ образомъ, всякій мірской околотокъ—этого никакъ не поймутъ антиземскіе люди. Что-нигдѣ

и ни въ какомъ случаѣ не возможно отсутствіе мѣстной распорядительной власти,—что не нужно и вредно раздѣлять безусловно судебную и административную власти въ низшихъ инстанціяхъ и только при ихъ сліяніи возможно то серьезное мѣстное самоуправленіе, при коемъ администрація избавилась бы отъ своего чиновнаго характера—этого у насъ не понимаютъ. Что для удовлетворенія самыхъ вопіющихъ потребностей окружающаго быта, для разрѣшенія ежеминутныхъ случаевъ жизни, въ которыхъ перепутаны всѣ элементы и судебные, и полицейскіе, и административные,—сказать короче: что для охраны и защиты земскаго мира нужны совѣтъ не нынѣ дѣйствующія «земскія учрежденія», этого, разумѣется, никогда и не захотятъ понять нынѣшніе «гласные» и ихъ губернскія и уѣздныя земскія управы.

Администрація, не зачинающаяся мѣстно по всякому изъ мірскихъ околотковъ для проявленія себя въ надлежащей силѣ въ мировомъ участкѣ, и судъ, оторванный отъ мѣстныхъ нуждъ мѣстной администраціи—мертвая буква и самого суда и самой администраціи.

Много вкралось—и доселѣ вносится—фальшиваго въ юридическіе инструменты, изготовленные и вновь сооружаемые нашимъ Министерствомъ Юстиціи. Но этотъ пробѣлъ существенной функціи, составляющей душу живую и необходимую связь—какъ души съ тѣломъ—суда и администраціи,—пробѣлъ существенной функціи правосудія относительно «*мъръ предупреденіи и пресѣченія преступленій въ видахъ охраненія тишины и спокойствія*»—характеристическая черта нашей нынѣ дѣйствующей у насъ общедюрократической системы.

VI.

Что касается до «*Министерства Народнаго Просвѣщенія*»—да позволено будетъ не обинуюсь сказать: одно ужъ его названіе обличаетъ вопіющую ложь въ основѣ, что и сказывается множайшими послѣдствіями въ общемъ строѣ криво поставленнаго у насъ учебнаго дѣла.

«Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»—и ничто кромѣ. Знаніе ариѳметики, географіи и прочее, разумѣется, необходимо,—и безъ обученія наукамъ въ государствѣ обойтись нельзя. Но школьное образованіе, хотя бы и высшее, не можетъ быть названо «просвѣщеніемъ». Пока знаніе ариѳметики, географіи и проч. будутъ величать «просвѣщеніемъ»—до тѣхъ поръ будутъ находиться въ томъ заблужденіи, что всякій человѣкъ отъ природы лишень Божьей искры и только съ пріобрѣтеніемъ «научныхъ знаній» дѣлается нравственнымъ. Это—вопіющая ложь и пагубное заблужденіе. Такъ думали лишь Мараты и Робеспьеры во дни великой французской революціи.

Простое невѣдѣніе—весьма естественное, напримѣръ, въ сельскихъ массахъ—само по себѣ еще не составляетъ зла. Страхъ Божій, къ счастью, свойство не риторовъ и грамматиковъ, а благочестивыхъ душъ. Хотя без-